
Д. Н. БРЕЩИНСКИЙ

**Об одной попытке популяризации старообрядческой
литературы в зарубежной печати:
Житие инокa Корнилия Выговского
на страницах журнала «Континент»**

Мне очень приятно иметь возможность выступить сегодня перед вами в этих стенах на Первых Лихачевских чтениях — Пушкинский Дом и мой научный дом. Я работал здесь целый год стажером в начале 1970-х гг. и еще раз полгода в начале 80-х, собирая материал о старообрядческой литературе. Моим научным руководителем в России была Н. С. Демкова, а в Америке, откуда я приехал, — С. А. Зеньковский.

В своей исследовательской деятельности я сосредоточил свое внимание на Житии инокa Корнилия Выговского. Известное в двух редакциях и множестве списков, Житие это часто упоминалось в дореволюционной научной литературе о старообрядчестве, в том числе в трудах В. Г. Дружинина,¹ но никогда не было опубликовано. Я задался целью ввести памятник в научный оборот. Что же он собой представляет?

1. Житие

Житие инокa Корнилия Выговского — образец старообрядческой письменности начала XVIII в. Монах Корнилиева Комельского монастыря Корнилий, не принявший нововведений патриарха Никона, бежал от преследований сперва на Дон, потом на Север, в Поморье, и стал одним из «зачинателей» знаменитой некогда Выговской поморской пустыни, ее первым насельником. Он прожил долгую, полную скитаний жизнь и умер в 1695 г., согласно старообрядческому преданию, 125 лет от роду, успев дать свое благословение на создание «общего жития» Даниилу Викулину, Андрею Денисову и другим собравшимся на р. Выг пустынножителям (ныне река входит в систему Беломорско-

---

¹ См., например: Дружинин В. Г. О Житии Корнилия Выгопустынского, написанном Пахомием // ЖМНП. 1884. Сентябрь. С. 1—15.

Балтийского канала). Агиобиография Корнилия, этого, как его назвал С. А. Зеньковский, «Мафусаила раскола»,² была составлена около 30 лет спустя, в середине 1720-х гг., бывшим его келейником Пахомием, т. е. человеком, лично его знавшим, и должна была служить как бы историческим обоснованием создания общежительства на Выгу. Это — первая редакция памятника, написанная еще относительно простым языком и содержащая богатый бытовой материал. В 1731 г. она была переработана уставщиком Выговской пустыни Трифоном Петровым в духе складывающейся тогда выговской литературной школы, отличающейся высоким стилем и низкой фактографичностью (такой же переработке подверглась на Выгу и известная автобиография инока Епифания, пустозерского «союзника» протопопа Аввакума). Так возникла вторая, риторически украшенная редакция Жития Корнилия, лишенная тех исторических деталей, которые привлекали внимание ранних исследователей.

Обе редакции дошли до нас в относительно большом количестве списков. В общей сложности мне удалось выявить ровно полсотни их — 31 список первой редакции и 19 второй, относящихся к XVIII, XIX и началу XX вв. Это говорит об исключительной популярности произведения в старообрядческой среде (укажу для сравнения, что автобиография Аввакума — включая автографы, отрывки и переработки — известна в 57 списках).³ В результате многолетних изысканий в «Трудах Отдела древнерусской литературы» вышли две мои работы, посвященные Житию Корнилия,⁴ а затем в 1985 г. в сборнике «Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома» последовала публикация и самого текста памятника, охватывающая 15 списков его первой, пахомиевской редакции.⁵

2. Пересказ Жития

Не прошло и года после публикации Жития, как в 49-м номере парижского диссидентского журнала «Континент», в разделе «К тысячелетию крещения Руси», появилось любопытное произведение некоего Геннадия Русского под заглавием «Житие и страдание старца Корнилия».⁶ Как лаконично отмечается в

² Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970. С. 377.

³ Эти данные относятся к середине 1980-х гг. Поскольку рукописные фонды многих хранилищ древнерусской литературы в России быстро пополняются, вполне возможно, что за истекшие более чем 20 лет новые списки Жития Корнилия обеих редакций были обнаружены. Об одном неизвестном науке списке Жития первой редакции я говорю далее.

⁴ Брецинский Д. Н. 1) Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 127—141, 2) Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции и его литературная история // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 269—285.

⁵ Брецинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции. Тексты // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 62—107 (далее — Житие). Поскольку в публикации допущены многочисленные опечатки, местами затемняющие смысл текста, был издан список наиболее значительных из них. ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 479—480.

⁶ Русский Г. Житие и страдание старца Корнилия // Континент. 1986. № 49. С. 7—18 (далее — Страдание).

единственном примечании к тексту, «рукопись получена из России».⁷ Произведение написано на старинный манер, хотя явно нашим современником, и изобилует архаизмами и просторечиями, характерными для позднейшей древнерусской литературы, например: «*Пошто аз един* остался..?», «*о ту пору*», «старцы *гораздо* спорили», «с *опрятством* говорил», «*бунташное* настало время», «и *паки* не *бысть* знамени», «*родитель*», «*средовечие*», «*плакаше*», «*идеже*», «*тамо*», «*камо*», «*токмо*», «*аки*», «*обаче*», «*зане*» — список можно было бы значительно расширить. Не лишено произведение и живых бытовых деталей, относящихся к эпохе возникновения и распространения на Руси старообрядчества. В частности, в нем очень интересно рассказывается о том, как ревнители «древлего благочестия», в том числе и герой повести, старец Корнилий, спасались в Поморье от преследований «никониян», со временем основывая там свои религиозно-земледельческие общины.

Как лексика и слог произведения Г. Русского, так и его содержание, включая последовательность изложенных в нем событий, не позволяют сомневаться в зависимости Страдания Корнилия — будем так называть эту вещь — от опубликованного мной Жития.

Местами Страдание повторяет Житие почти дословно. Вот, например, как читается в оригинале совет предводителя «лесных старцев» Капитона Конону (мирское имя Корнилия), пришедшему к нему с просьбой быть принятым в его общину: «*Чадо Конане, Бог да исполнит желание твое, якоже сам хочет. Но понеже юн сый еси и не можеши зде трудов иночества понести, понеже место пусто есть и всякого утешения кроме, — подаю*⁸ *ти совет благ: да идиши в Корнилиев монастырь Комельскаго, и тамо тя примут с любовью...*».⁹ А вот как передается тот же житийный трафарет у Г. Русского. «*Не для новоначальных сие испытание. Понеже ты юн сый, не можеши понести трудов наших. Место сие пусто и утешения кроме. Даю тебе совет благ: иди в Комельский монастырь, тамо начинай*»¹⁰ Наблюдающееся здесь упрощение текста оригинала, с сохранением ключевых его слов, выражений и «высокостильных» инверсий, характерно для Страдания.

Любопытно отметить, что подлинное Житие Корнилия, написанное со слов свидетеля, а отчасти и участника крупнейших событий беспокойного XVII в., является одним из немногих документальных свидетельств, подтверждающих общепринятую версию, что протопоп Аввакум был именно сожжен. На это впервые обратил внимание В. И. Малышев.¹¹ О конечной участи пустозерских узников в оригинале сообщается дважды, вот одно из этих мест: «*По времени же некоем [старец Епифаний] со Аввакумом, и Лазарем, и Феодором сожжении быша в Пустозере*».¹² Не оставил без внимания этот момент и Г. Русский, с ха-

⁷ Страдание С 7

⁸ Исправляю по списку Ч, в опубликованном мной тексте, согласно всем остальным спискам (включая основной) *но даю*

⁹ Житие С 69

¹⁰ Страдание С 8

¹¹ См Малышев В И Две заметки о протопопе Аввакуме // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв М, Л, 1959 С 350

¹² Житие С 86 Другое упоминание казни Аввакума см Там же С 76

рактерными добавлениями «от себя» и не свойственной старообрядческой литературе иронией написавший: «Ждали правоверные от нового царя Федора Алексеевича возврата на прежнее: неужто страшная кончина родителя не заставит образумиться? Дождались: спалили в Пустозерском остроге четырех отцов». ¹³

Вообще мотив страдания староверов сильно развит у Г. Русского. Сожаление Корнилия о том, что он не разделил участи многих своих единомышленников, включая пустозерских мучеников, занимает всего лишь несколько строк в оригинале: «Прослави Корнилий Бога, давшаго дерзновение рабом своим, себя же укоряя, глаголаша: „От каковых отцев оставлен бысть Корнилий!“ — и плакаше горько». ¹⁴ У Г. Русского слова Корнилия принимают форму своеобразной тирады, развернутого фольклорного плача: «Господи! Господи! — и от слов его дух перехватывало. — Пошто так? Пошто лишил мя венца мученического? Я ли не молил Тя о сем? Пошто аз един остался недостоин пути сего? О дивный отче Капитоне, наставниче юности моей, пошто отсек мя от ся? <...> О великий страдальче Аввакуме, друже средовечия моего! пошто аз не бых с тобой на Пустоозере, ¹⁵ не восприял мук темничных и восхождения огненного? А ты, любезный брате Епифане, тих и кроток аки агнец, а сколь мужеский воин Христов! пошто не мне рвали язык и секли персты? Отцы мои милые! недостоин аз, окаянный, развязать ремена ваши!..». ¹⁶

Идейно-художественная установка Г. Русского привела также и к изменению роли Пахомия. Если в Житии он является рассказчиком и несколько раз ссылается на себя от первого лица («Аз, Пахомий...»), то в Страдании уже служит объектом повествования, выступая как полноправное действующее лицо, вместе с другими пустынножителями, к примеру, провожающее Корнилия в последний путь: «Понуро стояли Данило с Андреем, утирал слезу Пахомий». ¹⁷ Функцию «агиографа» Г. Русский берет на себя.

Таково в общих чертах любопытное произведение на старообрядческие темы, появившееся на страницах журнала «Континент» по случаю тысячелетия крещения Руси.

3. Отклик на пересказ

Я отозвался на эту публикацию статьей «К вопросу о подлинном тексте Жития инока Корнилия Выговского», опубликованной в 1987 г. в 51-м номере «Континента». ¹⁸ Вот, в частности, мои комментарии:

¹³ Страдание. С. 14.

¹⁴ Житие. С. 87—88.

¹⁵ Так!

¹⁶ Страдание. С. 15—16. Любопытно в этой связи отметить, что, в отличие от оригинала, текст Г. Русского разбит на главки, каждая из которых имеет свое заглавие (почему-то оно дается в скобках). Главка, содержащая вышеприведенную цитату, озаглавлена: «Плач старца Корнилия. 1694» (Там же. С. 15).

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Б р е щ и н с к и й Д. Н. К вопросу о подлинном тексте Жития инока Корнилия Выговского // Континент. 1987. № 51. С. 393—396.

Я не знаю, кто такой автор, выступающий, по-видимому, под псевдонимом, но повесть его — не что иное, как вольный пересказ «под старину» известного Жития инока Корнилия Выговского, созданного в свое время в старообрядческой среде и недавно мной изданного Г Русский не только воспользовался этим памятником, который он местами пересказывает почти дословно, но и пополнил его рядом деталей, почерпнутых из других старообрядческих произведений — в первую очередь автобиографий «пустозерских мучеников» Аввакума и Епифания Сохранил он и хронологию событий подлинника, исключив, впрочем, ряд эпизодов — может быть, с целью сделать повествование более стройным Не всегда можно признать удачными допускаемые Г Русским отклонения от оригинала Озадачивает, например, нарочито эмоциональное слово «страдание», введенное им в заглавие и отсутствующее во всех известных мне списках памятника Безусловно, жизнь инока Корнилия не была легкой, но нельзя создавать вокруг него ореол мученичества В отличие от протопopa Аввакума, старца Епифания и многих других старообрядцев, чьим современником он был, Корнилий не пострадал за веру и дожил до «глубокой старости», на что сам сетует в Житии и вопреки заглавию Г Русского, в пересказе¹⁹

Можно только приветствовать интерес в Советском Союзе к старообрядчеству и его богатому литературному наследию и такой пересказ даже если он иногда и искажает смысл оригинала, вполне имеет место Однако его следует поставить в историко-литературный контекст, по меньшей мере упомянув о первоисточнике²⁰

Далее я ссылаюсь на литературную историю Жития Корнилия на Выгу и в заключение пишу

Я отнюдь не утверждаю, что Г Русский основал свой пересказ на моей публикации Скорее всего, он располагал одним из многочисленных списков Жития — может быть, списком, еще не известным науке Каждая новая рукопись древнерусского произведения представляет научный интерес по-своему отражая архетип — в данном случае несохранившийся оригинал Пахомия Тем более было бы интересно знать, каким источником пользовался автор новейшего пересказа Может быть, со временем мы узнаем А пока поблагодарим его за то, что в конце XX в , накануне тысячелетия крещения Руси, он вдохнул новую жизнь в один из интереснейших памятников старообрядческой литературы²¹

Следует к этому добавить, что пересказ Г Русского — не первая попытка изложения Жития инока Корнилия Выговского в общедоступной форме В XIX в. подобной переработке памятник подвергался дважды: раз под пером известного писателя и этнографа С. В. Максимова, который имел дело с первой редакцией,²² и еще раз под пером исследователя сектантства А. И. Бровковича (он же архиепископ Херсонский Никанор), который работал со второй.²³ Как видно по новейшему пересказу, памятник не утратил своего интереса и в наши дни

¹⁹ Корнилий Выговский канонизован старообрядцами, день памяти его празднуется 30 марта (см Дружинин В Г О Житии Корнилия С 5, примеч 1) Однако в старообрядческий мартиролог Семена Денисова «Виноград российский» он не вошел именно потому что не кончил жизнь мученической смертью

²⁰ Брежинский Д Н К вопросу о подлинном тексте Жития С 393—394

²¹ Там же С 395

²² Максимов С В Рассказы из истории старообрядства по раскольничьим рукописям СПб, 1861 С 5—38

²³ Б[ровкович] А И Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола СПб, 1861 Ч 1 С 169—180

4. Автор пересказа

Остается, однако, вопрос: кто такой Геннадий Русский и зачем он создал свой пересказ?

Мне с самого начала казалось несомненным, что автор — скрытый диссидент (недаром псевдоним) и что в своем пересказе он проводит историческую параллель между гонениями на старообрядцев в царской России и репрессиями советской эпохи. Было также ясно, что он знаток русской старины. Может быть, все это и так, но тогда как объяснить, что в баптистской периодике, издающейся в Мюнхене на русском языке, в конце 1980-х гг. появилась статья одного «свышерожденного», посвященная своему детству и духовному прозрению, за подписью Г. Русского?²⁴ Неувязка двух образов автора — ироничного комментатора раскола и умильного адепта евангелизма — совершенно очевидна.

В 1991 г. я неожиданно получил письмо из Москвы от самого автора пересказа. В нем он извещал меня, что узнал мой адрес от друзей в Пушкинском Доме и что тоже занимается научными проблемами, связанными, в частности, с эпохой патриарха Никона. Далее он пишет: «Также я являюсь автором известного Вам переложения Жития Корнилия Выговского. Должен признаться, что я пользовался всецело Вашей публикацией <...> и ни к каким другим редакциям не прибегал. Разногласия кое-где с Пахомиевой редакцией — не более чем авторская фантазия. Извините, что ввел Вас в заблуждение, но и благодарен Вам за добрые слова, которые, к сожалению, только недавно довелось прочесть».²⁵ В заключение автор письма любезно приглашает меня встретиться с ним, когда я в следующий раз буду в России, и подписывается: Г. Гусс.

Я, честно говоря, не ответил на это в общем милое послание. Прошло 5 лет, и уже не имело смысла просить Геннадия Русского / Г. Гусса оповестить читателей «Континента» об источнике своего пересказа. Через год, однако, я получил любезнейшее письмо от его друга, Б. Н. Филатова, который писал: «Я несколько раз с большим интересом и приязнью встречал Ваши публикации о Корнилие Выгопустыньском. Последняя Ваша заметка, связанная с его именем, известная мне, — отклик в № 51 журнала „Континент“. Однажды я уже передавал письмо Вам <...>, но ответа не получил, думаю, что оно не дошло до Вас. В нем я сообщал имя автора пересказа „Жития и страдания старца К[орнилия]“, напечатанного в № 49 „Континента“, — москвич Герман Борисович Гуськин. Также мне казалось, что Вам может быть интересен еще один экземпляр рукописи „Повести душеполезной о жизни преподобного отца нашего Корнилия...“ с рассказами о Никоне.²⁶ Книжечка-рукопись конца XVIII—начала XIX вв., ее

²⁴ См Русский Г Новые горизонты // Вера и жизнь (изд Миссионерского союза «Свет на Востоке») 1988 № 68 С 27—31

²⁵ Письмо датировано 19 марта 1991 г

²⁶ Судя по заглавию рукописи и приложениям о патриархе Никоне, это список именно первой редакции Жития, на что и намекает автор письма, когда говорит «еще об одном экземпляре» (ведь я издал *первую* редакцию памятника)

я с любовью держу в своей библиотеке. Возможно, Вам было бы интересно на нее взглянуть — я приглашаю Вас к себе „на нее“».²⁷

Должен сказать, что первое письмо Б. Н. Филатова действительно до меня не дошло. Я рад, что он послал мне второе: теперь хоть доподлинно известно, что и фамилия Гусс — псевдоним. Чтобы ближе подойти к раскрытию тайны автора переложения Жития Корнилия, мне надо было с ним встретиться, но, к сожалению, я этого не сделал.

Милым приглашением своего нового корреспондента я тоже не воспользовался, и рукопись его так и осталась не востребованной наукой. Хочется думать, что «книжечка-рукопись», которую он «с любовью держит в своей библиотеке», со временем окажется в хранилище древнерусской литературы, где будет доступна не только мне, но и любому заинтересованному ученому.²⁸

---

²⁷ Письмо датировано 2 ноября 1992 г.

²⁸ Считаю некорректным оглашать имена своих корреспондентов без их согласия, я изменил их в своем изложении всей этой забавной и немного загадочной истории. Среди прочих «имяреков» только Геннадий Русский остался «самим собой».